

★ ЛУЧШЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ★

ДЕТЕКТИВ

АНДРЕЙ
ДЫШЕВ

[ДЕТЕКТИВ ОТ ИОАННА]

Андрей Михайлович Дышев

Детектив от Иоанна

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=316292

Дышев А.М. Детектив от Иоанна: Повесть: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 978-5-699-64779-8

Аннотация

Молодой предприниматель, совершающий коммерческий вояж по Африке, опоздал на свой самолет и был вынужден лететь грузовым рейсом. Что ему пришлось пережить! Самолет летел во мраке ночи неизвестно куда, к неминуемой катастрофе. Командир судна крепко пил, танцевал, а потом вообще стал невменяем. Стюардесса охотно продавала себя любому желающему. Полицейские, находившиеся на борту по служебной необходимости, без зазрения совести потрошили багаж. Второй пилот сделал всем ручкой и выпрыгнул из самолета с парашютом... Вам ничего это не напоминает? Если нет, тогда вы счастливый человек и наверняка живете вдали от России...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Дышев

Детектив от Иоанна

Ибо ты говоришь: «Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг.

...И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы; ибо жатва на земле созрела.

(Новый Завет, Апокалипсис)

Глава 1

Рейс в Норт-Фруди

Обмахивая иссиня-черное лицо рекламным буклетом, администратор смотрела на российский паспорт с тем тупым выражением, с каким сытые бегемоты в зоопарке пялятся на раскиданные по клетке зрительские леденцы.

– До окончания регистрации еще пятнадцать минут! – едва сдерживая раздражение, объяснил Аулис на недоброкачественном английском российского производства. – Но мне сказали, что мое место уже продано. Почему продано? Кому продано? Кто позволил?

Он выходил из себя. Тумба с облупленными боками, за которой сидела администратор аэропорта, дрожала от его натиска. Аулис сжимал кулаки и скрипел зубами. За большим запыленным окном рокотали лопасти пропеллеров. Аулис чувствовал себя самолетом, стоящим на старте взлетной полосы: рычаги газа сдвинуты до упора вперед, и остается лишь отпустить тормоза, чтобы с нарастающей скоростью взмыть в небо...

Не меняя положения головы, администратор взглянула вверх, выкатив снежные, как исподнее, белки глаз. Круглые, с выпуклым циферблатом часы, которые висели над ее головой, подтверждали правоту Аулиса. Но сытое выражение на лице администратора никуда не делось, и ее громоздкие губы не дрогнули. Женщина зачем-то принялась листать паспорт, причем без всякого интереса, не задерживаясь на запачканных штампами страничках. В глубине черепной коробки, под сплетением жестких курчавых волос, происходила невыразительная умственная работа. Ее смысл заключался в том, чтобы ударно и исчерпывающе доказать бледнолицему пассажиру, что он сам дурак, коль прошляпил свое законное место в самолете, следующем рейсом до Норт-Фруди.

– Еще пятнадцать минут, – тверже повторил Аулис, давая понять, что сдаваться не намерен. – Я не опоздал! Я пришел вовремя! Посадите меня в самолет! Мне обязательно надо в Норт-Фруди!

Сажевого цвета мальчик с крепкой, как булава, головой лапнул Аулиса прохладной ладошкой за локоть и попросил денег. Администраторша отложила паспорт в сторону и принялась изучать билет. Она тоже была тертым калачом.

– Посадить на самолет? – думая о чем-то другом, переспросила она.

– Да, посадить!

Администратор наконец подняла глаза. Аулису показалось, что в них мелькнул короткий блик сострадания.

– Худой какой, – произнесла она очень тихо, и Аулис решил, что ослышался.

Аэровокзал содрогался от рева самолетных пропеллеров. Объявили посадку на Эльдору. Группа людей со смоляными скуластыми лицами, будто выпачканными в ночи, в пестрых одеждах, с тяжелыми вязанками бус всех цветов радуги, прошествовала в зону

досмотра. Про Норт-Фруди уже никто не заикался. Аулис смотрел на запыленное окно, по которому медленно, словно сапер по минному полю, передвигался большой мохнатый паук. Самолет с красными полосами на фюзеляже катился по рулежке. Может, это Аулиса самолет? Набитый людьми и багажом под завязку, он уже готовился к взлету, запрашивал разрешение, выруливал на старт, а в душном салоне какой-то наглец, удобно устроившись в кресле, принадлежащем Аулису, щелкал пряжкой привязного ремня.

— Что вы хотите вычитать в моем билете? Что вам там не понятно? Рейс семьсот пятый до Норт-Фруди. Вот дата, вот время отправления. Вот время окончания регистрации...

Диспетчер не знала, как с ним поступить. Ей было бы лучше, чтобы этот молодой и навязчивый пассажир вдруг тяжело заболел или потерял сознание. Или чтобы плюнул на все и поехал поездом. А еще лучше, чтобы вообще никуда не ехал и не напрягал работников транспорта своими проблемами. Ни слова не говоря, она поднялась со стула и направилась в конец зала. Аулис пошел за ней, глядя, как тяжело переваливаются главные части ее тела, похожие на паровые поршни «Титаника». Его нервная система плодовито вырабатывала злость, и он с трудом сдерживался, чтобы не высказать что-нибудь оскорбительное. Вот она, экзотика, получай! Как мечтал о ней, как ждал с ней встречи! А началось это ожидание с того дня, как Аулис устроился поставщиком снаряжения в альпклуб. До этого он работал в аптеке, потом — в районном собесе. Но работа в альпклубе ему понравилась особенно. Тут можно было наварить весьма приличные деньги. Богатым мажорам, жадным до адреналина, требовались километры французской альпинистской веревки, чтобы с ее помощью штурмовать отвесные скалы Норвегии или Калифорнии. Но, как все мажоры, они были легкомысленны и неразборчивы, и Аулис вознамерился всучить им за те же деньги подделку из африканской агавы. Эта веревка выглядела ничуть не хуже французской, но использовать ее можно было разве что для просушки белья во дворе.

И вот он в жаркой экзотической стране, на полпути к Норт-Фруди, где находилась фабрика по переработке сизаля. Аулиса ждал директор, чтобы заключить с ним договор на поставку крупной партии веревок. Но Аулис накрепко застрял в столичном аэропорту, потому что его самолет в Норт-Фруди улетел раньше времени.

Ругательства так плотно утрамбовались в его сознании, что не осталось места для нормальных мыслей. Обливаясь потом, он следовал за администратором, за этой слоноподобной женщиной, которой, увы, было не по силам посадить его в улетающий самолет. Никто не мог повернуть время вспять, остановить могучие моторы, развеять прогорклый выхлоп и остудить раскаленный металл. Никто, никто!

Администратор зашла в какую-то комнату, агрессивно захлопнув за собой дверь. Аулис недолго рассматривал стоящую у кассового окошка худую женщину с необыкновенно длинной шеей, опутанной разноцветными бусинками. Вскоре слонопотам вышел в сопровождении столь же тяжеловесного мужчины. Оба оживленно говорили на непонятном языке. Мужчина тыкал фиолетовым пальцем в билет и показывал куда-то вверх, наверное, туда, куда отправился самолет. Администратор отвечала ему и показывала рукой на выход. Жаль, что эти люди говорили не по-английски, а то бы Аулис не преминул вставить пару-тройку ядовитых фраз о сомнительных порядках в этом аэропорту. Спортивная сумка оттягивала его плечо. На душе скребли кошки. Аулису не хотелось думать о том, что будет, если он опоздает к сроку в Норт-Фруди.

А душно-то как! И рябит в глазах от пестроты! В этой стране, где природа поскупилась на краски, люди компенсировали недостаток цветовой гаммы разноцветной одеждой и аксессуарами, а также вертляво-сочным языком. Рядом с ними чувствуешь себя серой мышкой... Аулис облизал пересохшие губы. Фляга с водой, которую он носил на поясном ремне, давно опустела. И нигде не было видно автоматов по продаже кока-колы или спрайта. Такое ощущение, что пить хотелось только ему. Эти чернокожие генетически приспособлены к

засухе. Наверное, им хватает стакана в день. Аулису же и пяти литров мало. А еще он любит клюквенный морс. И еще пиво – только если холодное и не слишком газированное. Да от минералки не отказался бы...

Горячий спор между двумя тяжеловесными сотрудниками аэропорта продолжался, и во все стороны разносились курчавые ругательства из богатых лингвистических кладезей суахили и тсваны. Вокруг потихоньку скапливался пестрый люд. Аулис чувствовал на себе недобрые взгляды. Наверняка зеваки принимали его за расиста, которому не нравится эта чудесная страна, ее чудесный климат и ее чудесные порядки. Гордые потомки людоедов и охотников на львов безоговорочно и априори заняли сторону своих соотечественников. У Аулиса уже рябило в глазах от бесчисленного количества разноцветных бус. Обстановка накалялась. Большеголовый мальчик снова попросил денег, но на этот раз требовательно и нагло. Костлявый старик с большим блестящим лбом встрял в спор и принялся размахивать длинными худыми руками с шишковатыми суставами. Он был похож на вождя воинственного племени каннибалов... Все-таки зря Аулис не взял в аренду джип. Была такая шальная мысль. Но он испугался, что посреди саванны закончится бензин и по мере наступления ночи машину начнут окружать стаи гиен.

Когда большеголовый мальчик от слов перешел к делу и беспардонно сунул свою черную, как кочерга, руку в карман Аулису, администратор сказала:

– Вот видишь – все против тебя! Будешь настаивать?

– Буду! – твердо ответил Аулис.

Женщина вздохнула:

– Что ж, пошли!

Толпа почтительно расступилась перед ней, и Аулис поспешил в образовавшуюся брешь. Наверное, администратор вела его к очередному чиновнику. Аулису не хотелось вызывать у людей расистские чувства, и он раздумывал о том, как бы ему прикрыть оголенные, неприлично белые части своего тела. Но администратор повела его на выход из терминала, туда, где раскаленный, прогорклый воздух содрогался от рева прибывающих и улетающих самолетов. Аулис смотрел по сторонам, прикрывая ладонью глаза. Неужели проблема решена, и сейчас он сядет в самолет и взлетит над прожженной саванной, напоминающей с высоты большой подгорелый блин?

Они стояли в скудной тени козырька и чего-то ждали. Администратор, опершись тяжелыми руками на ограждение, неслышно переговаривалась по радиостанции. Мимо них с оглушительным ревом проезжали красные и зеленые самолеты, похожие на раскрашенных касаток. Разогретый двигателями воздух дрожал от децибелов и плавился. Аулис переложил ляжку сумки на другое плечо и повеселел. Если проявить настойчивость, то везде можно добиться справедливости, даже в такой экзотической стране, как эта. А командировка, даже если принять во внимание все ее минусы, все же чудесная! Чего стоит только отбивная из хардербиста, которую Аулис съел в маленьком ресторанчике на площади перед аэропортом. А сколько подобных хардербистов ждут его впереди, после подписания договора!

– Не пожалеешь? – вдруг спросила администратор, глядя себе под ноги, словно обращалась не к Аулису, а к большому черному жуку, преодолевающему трещинку на асфальте.

– С какой стати я должен пожалеть? – удивился странному вопросу Аулис и пожал плечами. – Вы хотите посадить меня на какой-то особенный самолет? Без окон, колес и крыльев?

– Можно сказать, что так, – с расплывчатым намеком ответила администратор. – Здесь лучше покориться судьбе.

– Что значит покориться? – не понял Аулис.

– Если не получилось улететь, то не стоит проявлять настойчивость. Судьба тебя оберегает.

«Ага, сейчас! – подумал Аулис. – Это она нарочно пугает меня. Ей выгодно, чтобы я отказался лететь. Деньги-то уже заплачены!»

Две полицейские машины, мелкие, приземистые, как недоразвитые самолеты, промчались мимо, сверкая мигалками. Увидев их, администратор искося посмотрела на Аулиса. Она хотела увидеть, как онотреагирует, поймет ли, что это тоже дурная примета. Машины не остановились рядом с терминалом, а помчались дальше, ловко пробегая под крыльями могучих «Боингов», как мелкие рыбешки под плавниками акул. Но для опаздывающего на деловую встречу Аулиса это был совершенно прозаичный и ничего не значащий эпизод, и он тотчас забыл бы про машины, если бы они не подкатали к небольшому красному самолету с нарисованным на киле пшеничным колоском.

– Твой самолет, – как бы невзначай обронила администратор.

Теперь Аулис со слабым интересом наблюдал, как два чернокожих полицейских в песочной форме подводят к самолету белого мужчину. Поток горячего воздуха взъерошил волосы на его голове, отчего они стали похожи на желтые языки пламени. Это был блондин, возможно, единственный в обозримом пространстве, если не считать самого Аулиса, унаследовавшего от своих далеких карело-финских предков прозрачно-белесые кудерюшки. Когда блондин, поднявшись по стремянке к двери, пригнул голову и перешагнул порожек, Аулис заметил, что его ладони опущены и сведены у самой ширилки, словно блондин на ходу сжимал причинное место. «Да он же в наручниках!» – догадался Аулис.

Троица исчезла внутри самолета, и Аулис опять начал страдать от жары и нетерпения. Только он принялся мечтать о холодном пиве, как администратор получила команду по радио.

– Пора! – сказала она тем печальным и безапелляционным тоном, каким палач приглашает клиента на эшафот, но еще несколько мгновений выжидающе смотрела Аулису в глаза. Аулис не выдержал этого взгляда, поправил лямку на плече и ответил:

– Пора так пора!

Они пошли к самолету с пшеничным колоском на киле. «Наконец-то!» – обрадовался Аулис, на ощупь пробуя, насколько раскалилась под солнцем его голова. Когда они подошли к стремянке, оба двигателя уже рокотали и перегоняли через свои жернова горячий воздух.

Но не обошлось без заминки. Одутловатый командир воздушного судна, похожий на загулявшего Пеле, стоял в дверях, напоминая портрет в овальной раме, и отказывался пропустить Аулиса внутрь самолета. Объяснение с администратором на сей раз происходило на английском, и из обрывков фраз Аулис понял, что самолет зафрахтован крупной торговой фирмой и выполняет коммерческий спецрейс, к тому же оставшиеся свободные места оккупировали полицейские. Администратор устало спорила, ссылаясь на распоряжение директора авиакомпании и все время поглядывала на Аулиса. «Это твой последний шанс!» – говорили ее глаза. Но Аулис отводил взгляд, хмурил брови и всем своим видом показывал, что он человек принципа и от своих намерений не отказывается.

– Что ж, ладно. Я подчиняюсь вам, – вдруг согласился командир, правда, с каким-то скрытым злорадством. – Если он так настаивает, то пусть летит. Только вы, пожалуйста, потом подтвердите, что я не тянул его силой. Я на него вообще смотреть не буду. Он для меня не существует. Пусть проходит в самолет как бы втайне от меня.

И командир в самом деле отвернулся, с блаженной улыбкой глядя на прыгающих по пальмам обезьян.

Администратор подтолкнула Аулиса в спину, мол, скорее поднимайся в самолет, пока тебя не разоблачили. По правде говоря, где-то в глубинах души у Аулиса заскрежетало неприятное чувство сомнения в целесообразности полета, но он быстро привалил сомнения прирожденным упрямством и коммерческой алчностью.

– Спасибо вам, – сказал он на прощанье администратору.

Она уже шла к терминалу, но, услышав слова благодарности, остановилась, обернулась и недоверчиво взглянула на Аулиса.

– Что ты сказал? Спасибо?

И вдруг по-эстрадно громко расхохоталась, широко раскрыв рот и обнажив кроваво-красные десны, чем стала похожа на лошадь Пржевальского.

Столь же внезапно заткнувшись, администратор воровато ссутулилась, как если бы покидала место преступления, и поспешила к терминалу, чтобы затеряться в многочисленных коридорах, в служебных кабинетах, среди пыльных шкафов с устаревшей документацией. Ее могучее тело колыхалось под оливковой рубашкой, словно вода в кожаном бурдюке. Командир, насвистывая государственный гимн, продолжал глазеть на обезьян. Аулис кинул прощальный взгляд на дрожащий в раскаленном мареве город, мысленно спросил себя, все ли он правильно делает, но оставил этот вопрос без ответа и решительно поднялся в самолет. Командир тотчас последовал за ним и, зайдя в тамбур, наглухо задраил дверь, да еще, проверяя надежность, со всей дури двинул по ней ногой.

– Я не ошибся, самолет летит в Норт-Фруди? – уточнил у него Аулис, все больше терзаясь странными сомнениями.

– Не все ли тебе равно? – ответил командир, нехорошо улыбаясь и извергая крепкий запах перегара. – Теперь-то тебе какая разница? Теперь-то от тебя ничего не зависит. Ты уже все сделал, что мог.

Аулис решил, что командир просто неправильно понял его вопрос, зашел в салон и сразу увидел, что значит коммерческий спецрейс. Все сиденья были заняты, но не пассажирами, а объемными тюками и коробками. Аулис прошел по узкому проходу в конец салона в поисках свободного места и обнаружил, что в креслах последнего ряда удобно устроился блондин, с двух сторон опекаемый толстым и худым полицейскими. У блондина было незапоминающееся, стандартное лицо, словно вылепленное из гипса студентом-скульптором; в это лицо глубоко въелось выражение послушания и активного содействия следствию; медный загар хорошо оттеняли выгоревшие брови и ресницы, которые можно было разглядеть лишь при особом усердии; в светлых глазах незнакомца засела глубокая озабоченность проблемами борьбы с преступностью. Блондин взглянул на Аулиса с оживленным интересом, в то время как аспидно-синие полицейские недовольно надули губы.

– Все занято, – громко произнес Аулис, чтобы всем было понятно, по какой причине он здесь появился, и вернулся к первым рядам. Там он, освобождая кресло, сгрузил на пол несколько тяжелых коробок с турбореактивными газонокосилками и сел у иллюминатора. Глядя на закопченное крыло, Аулис испытывал то волнительное нетерпение, какое испытывает зритель в театре за несколько минут до поднятия занавеса. Как хорошо, что все хорошо закончилось! Аулис не только не опаздывал на подписание договора, у него еще оставался в запасе весь сегодняшний вечер. Аулис посвятит его пиву. Он пойдет в ресторан и закажет три... нет, пять бутылок ледяного пива. Две выпьет залпом, до слез, а потом будет медленно посасывать божественный напиток и наслаждаться покоем, вечерней прохладой и экзотикой, о которой столько мечтал. В этой стране, оказывается, полно симпатичных шоколадок, готовых растаять в его руках...

– С кресла не вставать! По салону не ходить! Товар руками не трогать!

От приятных мыслей Аулиса отвлек голос командира самолета. Загулявший Пеле с широко расставленными раскосыми глазами умудрялся одновременно смотреть на коробки, полки и на Аулиса.

– Ты хорошо понял? Смотри мне, а то сожру тебя заживо.

М-да, своеобразный юмор у командира самолета. Этакая местная фишка для увеселения туристов. Аулис улыбнулся в ответ, кивнул, мол, и без слов понятно, что заживо

сожрешь, ибо свежати́на однозначно вкуснее. Желая поддержать тон, показать себя послушным, всем довольным и немного фамильярным, Аулис сказал:

– Не возражаю, ешьте на здоровье, вот только бы пива бутылочку...

Но командир не дослушал и молча скрылся за шторкой, попутно вытряхивая на пол из опустевшей бутылки виски последние капли. Глухо захлопнулась дверь в пилотскую кабину. Корпус самолета мелко задрожал, качнулся на чувствительных рессорах, и откуда-то сверху свалился большой тюк, обмотанный крест-накрест липкой лентой. Поехали! Аулис сел удобнее, вытянул ноги, искал под собой пряжку привязного ремня. Полтора часа полета – какая ерунда! Если здесь ничего не предложат, он выпьет пива в аэропорту Норт-Фруди. Где-то Аулис слышал, что в этом городе живут самые наглые обезьяны на земле. Местные воришки специально обучают их потрошить сумки и чемоданы туристов. Кроме кошельков, мартышки обязательно уносят с собой нижнее белье. Деньги отдают своим хозяевам, а трусы напяливают на себя и щеголяют в них. Особое предпочтение отдают красным и розовым расцветкам... Аулис думал про этих забавных обезьян, и настроение его повышалось с необыкновенной скоростью. Как приятно сидеть сейчас в кресле самолета, смотреть в мутный иллюминатор, зная, что все неувязки остались в плоском, как снарядный ящик, термине, а впереди будут только хорошие события.

Глава 2

Колечко с двумя брюликами

Аулису показалось, что разбег был очень длинным, что разреженный от жары воздух был не в состоянии поднять перегруженный самолет. Салон скрипел, дрожал, с полок, словно тяжелые авиационные бомбы, падали коробки. Несколько раз из-за шторы выглядывала молодая Стюардесса с личиком хлебного («бородинского») оттенка и сплюснутыми, как у сонной рыси, глазами. Ее можно было бы назвать красивой, если воспринимать ее не как живое существо, а эбонитовую статуэтку или манекен в витрине магазина одежды.

– У вас есть пиво? – спрашивал у нее Аулис.

Он немного боялся, что самолет не взлетит, а так и будет мчаться по земле, растопырив свои дурацкие бесполезные крылья, срезая ими, словно кинжалами, деревья, дома, высоковольтные линии и небольшие горы, пока в конце концов не домчится до Норт-Фруди. Но к этому времени Аулис уже наверняка испустит дух, так как внутренности его будут взбиты, будто коктейль в шейкере. И полицейские умрут, и белый человек в наручниках – одна участь для абсолютных антагонистов. Но самолет все-таки взлетел, убрал шасси и, крепко отравляя черным выхлопом воздух, принялся забираться повыше в небо... Интересно все-таки узнать, что этот белобрысый типчик натворил в стране чернолицых людей? Аулис убрал с колен сумку, которая свалилась на него сверху, поднялся с кресла и заглянул за шторку.

– В котором часу мы прибудем в Норт-Фруди?

Стюардесса, высоко подняв подбородок, любовалась своим отражением в зеркале. Послунявив пальчик, пригладила тонкие, как нити, брови. Потом принялась бережно массировать кожу под глазами. Появление пассажира ее ничуть не смутило.

– Помочь? – спросил Аулис.

Она снова не ответила, опустила лицо, разглядывая себя уже с другого ракурса. Ее цепкий взгляд обнаружил какой-то невидимый дефект, и девушка осторожно поскребла щеку длинным перламутровым ноготком. От нее тянуло антрацитовый твердостью и невозмутимостью. В глазах Аулиса она являла собой центральную, непостижимую, неосязаемую деталь картины Малевича «Черный квадрат».

Судя по тому, что два вопроса остались без ответа, Аулис пришел к выводу, что спрашивать о белокуром мужчине в наручниках бессмысленно. «А говорят, что все негритянки общительные и убойно-страстные», – разочарованно подумал Аулис, откровенно разглядывая Стюардессу с головы до ног. Он бы вернулся в салон, если бы не жажда. Ладно, она не должна отвечать на его вопросы. Но она обязана предлагать пассажирам напитки!

– Я хочу пить, – поведал о своем вожелении Аулис. – У меня сушняк. Обезвоживание.

Стюардесса наконец переключила на Аулиса внимание и кивнула на металлический стеллаж, в круглых ячейках которого сидели пластиковые бутылки. Аулис выбрал фанту, свинтил крышку. Оранжевый лимонад зашипел, запенился и ядовитой струей брызнул во все стороны. Девушка взвизгнула, и ее словно брандспойтом смыло за перегородку. Аулис подумал, что Стюардесса испугалась за свою белую блузку, но, оказывается, ее больше волновало, не попала ли фанта на обнаженные до локтей руки. Некоторое время она с испугом рассматривала их. Кажется, она нашла капельку размером с клопа и тотчас сунула руки в маленькую, как детский горшок, мойку, оборудованную рядом с бортовой кухней. Можно было подумать, что ей на кожу попал иприт, коим травили друг друга участники Первой мировой войны.

– Что ж так неосторожно? – ворчала она и, подобно тому, как это делают хирурги, намыливала руки до локтей. – В газете писали, что от этой гадости прыщи могут пойти.

– А ты верь газетам больше! – ответил Аулис и на всякий случай внимательно почитал этикетку на бутылке, понюхал горлышко, сделал глоток и прислушался к вкусовой гамме. Фанта как фанта, а не иприт.

Стюардесса терла и скребла руки, пена летела во все стороны.

– Меня всегда волнует полет на самолете, – не по теме высказался Аулис. Раз не извинился, то пришлось брякнуть что-то в свое оправдание.

– А для меня это уже просто жизнь, – уже без обиды ответила Стюардесса. – Я давно привыкла к шуму мотора, к болтанке, воздушным ямам, аварийным посадкам, сваливанию, штопору... Это нормально. Так должно быть.

– А у меня всякий раз при взлете пульс учащается, – признался Аулис, пропустив мимо ушей упоминание про штопор. – Здесь такая поднебесная атмосфера! Привязные ремни. Прохладительные напитки. Красивые стюардессы... А правду говорят, что все стюардессы – жены пилотов?

Девушка приподняла личико и показала Аулису свои миндальные глазки. Нет, это не глазки, а две чернильные капли – блестящие, дрожащие, упаси бог сорвутся, потом вовек не отмоешься.

– Если правда, то это что-то меняет? – произнесла она, тщательно вытирая руки одноразовым бумажным полотенцем.

– Не поверю, что ты замужем за этой... – он хотел сказать «за этой наглой гориллой», но вовремя поправился: – За этим грубым летчиком.

– Мой муж – второй пилот, – с достоинством уточнила Стюардесса, кивнув на дверь в кабину, и снова принялась изучать свое отражение в зеркале. – Только он, и никто другой. Мое сердце навечно принадлежит ему.

– Правда? – сыграл ничем не мотивированную радость Аулис, пытаясь зрительно определить размер ее груди. – И что, он тоже африканец?

– Англоафриканец ассирийского происхождения, – поправила Стюардесса, чуть оттягивая кончик носа. Она прикидывала, стоит ли ей делать пластическую операцию. – А его отец родом из Непала, хотя имеет персидское гражданство. Его воспитывала галилейская община, но отец все равно считает себя коренным тивериадрийцем. А мама у него цыганка, ее родственники по всему миру разбросаны. Опио уже пятнадцать лет водит самолеты. Он зарабатывает полторы тысячи долларов в неделю плюс проценты с вклада в швейцарском банке. У него собственная вилла в Эльдоре. Я там еще не была, но Опио обещает на следующий год поселить меня туда. Но я не хочу на виллу, – изображая пресыщенность звезды, вздохнула Стюардесса. – Мне надо карьеру делать. Если бы Опио не настаивал, чтобы я летала с ним, то меня давно взяли бы в Голливуд. Каждую среду меня приглашают на фотопробы. Пока мне за это не платят, но обещают в будущем огромные деньги. Я позирую целой сотне фотографов в обнаженном виде по два часа...

– И эти снимки печатают на обложках популярных глянцевого журналов, – добавил Аулис.

Стюардесса оставила свой нос в покое и настороженно покосилась на Аулиса.

– Пока еще не печатают, но обещают в будущем... А откуда ты знаешь?

Аулис не стал объяснять, что каждая его новая подружка при первом знакомстве рассказывает нечто похожее – и про фотопробы, и про глянцевые журналы, и про предложения сниматься в кино. А потом, после бокала сладкого коктейля в баре, соглашалась на любовь в ближайших парковых кустах. Он подошел к девушке со спины и указательным пальцем приподнял кончик ее черного, как у ротвейлера, носа.

– Тебе лучше вот так, – посоветовал он.

– Но тогда слишком заметны ноздри!

– Зато мордашка становится озорной.

Она оттолкнула его от себя и пошевелила носом, придавая ему прежнюю форму.

– Вот сейчас муж выйдет, и ты увидишь, что значит быть озорным, – пообещала Стюардесса. – Руки помыл бы, прежде чем за мое лицо хвататься. Турист, что ли?

– Разве я похож на туриста? – фыркнул Аулис, скручивая крышку на бутылке спрайта. – Я президент международного суперэлитного альпклуба экстра-класса «Свободное падение». Не слышала о таком? Лечу подписывать контракт с норт-фрудийской фабрикой по переработке агавы. А на завтра у меня запланирована охота на тигров, затем дайвинг с акулами, прием у консула и выступление перед активом гренландских мормонов... А что, твой муж очень ревнивый?

– Очень, – с безусловной убежденностью ответила девушка и как бы невзначай подторкнула нос кулаком – ей не давали покоя слова Аулиса о том, что ей пойдет быть курносой. «Вполне может быть!» – наверное, подумала она и добавила: – Он меня обожает! Он дня без меня прожить не может. Он все время думает и заботится обо мне. А какой он щедрый! Чего он мне только не наобещал подарить в будущем!

Аулис присосался к горлышку и незаметно рассмотрел темно-коричневые коленки Стюардессы. Он еще никогда в жизни не общался с такой колоритной девушкой. Коленки были так себе. А вот прическа, состоящая из множества тонких косичек, его впечатлила. Он представил эти косички раскиданными по подушке, прикрытые рысьи глазки, частое шумное дыхание и нечаянно хмыкнул.

Стюардесса строго взглянула на него.

– Ты зря хрюкаешь, – холодным тоном произнесла она, выдавливая на тыльную сторону ладони увлажняющий крем с крокодиловым молочком. – Здесь, в самолете, о пилотах нельзя думать плохо... Это к добру не приведет. Сейчас от них зависит все – наша жизнь, судьба, здоровье, благополучие. У них титаническая работа. В них надо верить. Вот ты сейчас треплешь языком и водичку попиваешь, а они... они... на нервах... из последних сил... ради нас... ради самолета... не ведая сна и покоя...

– А с чего ты взяла, что я думаю о пилотах плохо? – возразил Аулис. – Просто я хотел пригласить тебя сегодня вечером в ресторан.

– Вечером? – как эхо повторила Стюардесса, и Аулису показалось, что она растерялась и покраснела, да вот только на черной коже румянец не проступил. – Я даже не знаю, что на это ответить... Я уж отвыкла от ресторанов... Да там, должно быть, еда невкусная... А вдруг откроется понос или рвота? Мало ли что подсунут...

– Мы пойдем в самый приличный ресторан, – заверил Аулис. – А потом у меня в номере шампанское попьем.

– Ну да, – неуверенно кивнула Стюардесса. – Это само собой. С шампанского, собственно, можно и начать... Вот только не знаю, как тебе это объяснить... Я прямо-таки вся в смятении. У меня мысль переключилось... Надо все подсчитать, взвесить...

– Ты не знаешь, что сказать мужу? – пришел на помощь Аулис.

– Да ничего ему и говорить не надо... Он мне, понимаешь ли, обещал колечко с бриллиантом...

– Фу, какая ерунда! – всплеснул руками Аулис, лихорадочно гадая, кто перед ним: дура, опилками набитая, или хитрая бестия. – Подумаешь, колечко пообещал. Я тебе тоже что-нибудь пообещаю. Например, еще более крутое колечко, с двумя брюликами!

– Правда? – обрадовалась Стюардесса. – Ну тогда... тогда зачем нам ждать вечера?

«Все-таки дура», – пришел к выводу Аулис, и у него от волнения учащенно забилось сердце. С такой концентрированной экзотикой он еще никогда не сталкивался. Пока он торопливо раздумывал, прилично ли будет воспользоваться столь безграничной доверчивостью Стюардессы и действительно ли она так привлекательна, как показалась ему сначала, Стюардесса толкнула его в закуток, огороженный шторой, где находилась бортовая кухня.

Раздевалась она празднично, легко, быстро, с молодежным задором, и, хотя ее немножко донимали сомнения относительно обещания Аулиса, острое желание заполучить колечко с двумя брюликами было подавляемым. Аулис же, старательно раскачивая самолет, чувствовал себя подонком, но остановиться не мог.

– Смотри, сколько у меня уже всего, – сказала она, одной рукой застегивая пуговицы на блузке, а второй снимая с полки изящный, крепкий, обшитый хрустящей слоновьей кожей блокнот. Раскрыла его на первой странице и с трепетным волнением поднесла к глазам Аулиса. Мысли Аулиса были растрепаны, его сознание еще не вернулось в голову окончательно, и он пялился на исписанную страницу, ничегошеньки не понимая. «Вилла в Эльдоре; \$100 000 на серебряную свадьбу; трехэтажный особняк в Пхунхамьяхре на берегу Марданыхмы; кольцо с бриллиантом; «Мустанг» спортивный (красный) – всё от Опио!!! \$1000 от Ангари Муутаси. \$345 от Альфонса Осача. \$45 543 от Миши Рабиновича. \$655 от Атанаса Бомбиру. \$43 от Саши Воробьева. \$77 от Рашида Мысымбаева...»

– Что это? – как ни старался, не понял Аулис.

– Это все, что обещали мне мои мужчины, – пояснила Стюардесса, целуя страничку. – Сейчас я запишу сюда и твое колечко с двумя бриллиантами.

И девушка с таким восторгом подпрыгнула, что треснулась темечком о низкий потолок.

Глава 3

Спрыгни вниз!

«Тяжелый случай», – думал Аулис, идя по проходу в хвост самолета. Его вяло, без особого аппетита грызла совесть. Поравнявшись с последним рядом, он краем глаза заметил, что белого арестанта между полицейскими нет. Отдернул шторку, за которой находилась дверь туалета, и только тогда услышал, как полицейские хором крикнули ему, будто служебной собаке:

– На место!

Но Аулис уже отгородился от них шторкой, аккуратно врезанная в перегородку дверь была рядом, а за ней, так волнующе близко, его ждал компактный толчок из нержавеющей стали. Разве можно возвращаться, когда до желанной цели всего шаг? Аулис взялся за ручку, но дверь вдруг раскрылась, и он увидел перед собой блондина в наручниках. Аулис посторожничал, пропуская его, но блондин вовсе не торопился переступить через порог. Кинув быстрый взгляд на задернутую штору, он тихо спросил:

– Рашн?

Аулис тоже глянул на шторку, почему-то пожал плечами и не очень уверенно ответил по-русски:

– Вообще-то я карел.

– Турист из России, значит, – по-своему понял блондин, глядя на Аулиса, как на родного и очень богатого брата, которого не видел много лет. – А меня вот как... – Он приподнял скованные руки. – По ложному доносу... Обидно, знаешь...

– Жаль, – пробормотал Аулис, желая как можно быстрее закончить разговор с этим экстрадированным земляком.

– Ты ухо держи остро... – предупредил блондин. Он хотел еще что-то добавить, но Аулис быстренько подвел черту:

– Ладно, – и зашел в туалет.

Он запер дверь и, глядя на то, во что превратилась выпитая им пепси-кола, подумал о блондине. Вот как мир тесен! У черта на куличках соотечественника встретить можно. Вляпался мужик. Говорит, по ложному доносу... Но верится с трудом. Скорее он воришка или контрабандист. А может, расист, апартеидчик и сегрегатор. И нечего с ним в разговоры вступать. А то моргнуть не успеешь, как завалит просьбами: спасай, зёма! – перегрызи наручники, замочи полицейских, потому что родина у нас одна, да и я белый и пушистый...

Он вышел в тамбур, отряхивая от воды вымытые руки, отдернул занавеску и направился по проходу на свое место. Полицейские молча сопели, а вот блондин буквально прожигал Аулиса взглядом. Этот взгляд Аулис нутром чувствовал, хотя смотрел себе под ноги. «Только не смотри на него! Только не взгляни!» – внушал он себе, но тут словно черт его дернул, и Аулис повернул голову. И взгляд – глаза в глаза! И Аулису сразу стало жалко блондина и стыдно за свою черствость. И полицейские это увидели и поняли. А блондин – подлый пакостник! – еще вскинул скованные руки вверх и громко крикнул:

– Спасибо тебе, земляк!

А потом еще и подмигнул. Аулис, человек по натуре общительный, рефлекторно ответил таким же подмигиванием, хотя готов был выдрать свой глаз, чтобы не допустить этого. Но его молодое приветливое лицо как бы жило самостоятельной жизнью и, словно продажная девка, готово было улыбаться всем подряд.

Не успел Аулис вернуться на свое место и прижаться лбом к холодному стеклу иллюминатора, как ему больно наступил на ногу полицейский.

– Ты с ним знаком? – спросил он.

Роста он был приличного и настолько широк в плечах, что можно было только удивляться, как он вообще попал внутрь самолета. На коротких волосах сверкали капельки пота. Безжалостное лицо полицейского напомнило Аулису кого-то из великих боксеров, который на ринге не боксировал, а попросту укладывал на пол своих соперников правым хуком или левым апперкотом. О приличном опыте кулачных боев свидетельствовал расплющенный и сдвинутый в сторону, как флюгер при сильном боковом ветре, нос да шрам под ухом.

– С кем знаком? – переспросил Аулис и подумал: «Ну вот! Накаркал на самого себя!»

– Не прикидывайся потрошенным бородавочником! – предупредил полицейский и схватил Аулиса за белесый чуб. – Ты ведь ему подмигнул!

– Я и вам могу подмигнуть, – справедливо заметил Аулис и почувствовал, как по его щеке побежала слеза.

Полицейский, насладившись этим зрелищем, разжал руку, в которой остался приличный пучок светлых волос, похожих на солнечные лучики.

– Паспорт!

Документ, выданный Аулису родным отечеством, полицейский изучал долго и придирчиво, не в пример администратору аэропорта.

– Какого черта ты здесь? – спросил полицейский, разглядывая фото то одним, то другим глазом.

– У меня в Норт-Фруди бизнес.

– Что? Би-и-изни-ис??

В черных глазах полицейского искрилась несбыточная мечта сочетать в себе и сыщика, и судью, и палача одновременно, чтобы можно было обвинить, засудить и наказать Аулиса здесь, сейчас, немедленно: схватить его огромной лапой за горло, а потом шарахнуть головой о перегородку так, чтобы мозги по всему салону... Ну если не шарахнуть головой о перегородку, то хотя бы припереть к ней убийными, неопровержимыми, исчерпывающими уликами. Дрожа от сыщического азарта и острого желания не обмануть своих ожиданий, полицейский выдернул из своего тугого кармана радиостанцию, включил ее, прижал к уху, но ничего не услышал, и, сколько бы ни тряс ее, связи не было. Пробормотав что-то, он понес паспорт за шторку, вероятно, в пилотскую кабину, чтобы воспользоваться бортовой радиостанцией.

Совесть у Аулиса была чиста, точнее, совести у него вообще не было, но он боялся роковой ошибки, трагического совпадения или банальной подлости со стороны полицейского. Ждать пришлось долго. Это можно было объяснить тем, что запрос полицейского увяз в бездонных банках данных Интерпола. Аулис смотрел на затаившуюся в мутной дымке рыжую землю, кое-где залатанную зелеными лоскутами. Ему уже не хотелось ни пива, ни подводной охоты, он уже не мог ни о чем другом думать, кроме как о свободе, неизбежность которой пошатнулась после нелепой встречи с плененным соотечественником.

Самолет успел долететь до грязно-серых облаков, похожих на перестоявшую бражку, когда полицейский вернулся. Он уже не смотрел как людоед в глаза Аулису, не хватал его за волосы. Вероятно, полицейского охладила безупречная по африканским меркам характеристика молодого человека. Тем не менее паспорт полицейский оставил себе.

– В аэропорту получишь, – буркнул он, заталкивая документ в пропотевший до сырости нагрудный карман.

Аулис мысленно поклялся, что не встанет с кресла до самого прилета в Норт-Фруди, пусть даже его мочевого пузырь лопнет. Он снова прилип к иллюминатору, ожидая того момента, когда крыло самолета, подобно ножу, вонзится в комковатое облако. И тут вдруг гул двигателей перешел на октаву ниже, стал басовитым и шипящим, а минутой позже из задней кромки крыла стал выдвигаться похожий на язык закрылок. Стандартный пассажир

не придал бы этим трансформациям никакого значения – мало ли что там мудреного происходит, главное, чтоб самолет не падал и не горел. Но Аулис не входил в число заурядных пассажиров. Он являл собой образец любящего небо молодого энтузиаста, за плечами которого осталась армейская служба в полку транспортной авиации, да несколько прыжков с парашютом, и даже десяток самостоятельных полетов на дельтаплане в спортивно-оздоровительном центре «Ариэль». И этих азов авиационных знаний ему оказалось достаточно, чтобы сделать вывод: с самолетом происходит нечто из ряда вон выходящее. Точнее говоря, самолет резко сбрасывал скорость, но при этом даже не думал идти на снижение.

«Первый раз вижу, чтобы закрылки выпускали на такой большой высоте», – подумал Аулис и, успокаивая себя, быстренько сострепал псевдонаучный вывод, что пилоты решили вонзиться в облако на маленькой скорости, чтобы избежать излишнего обледенения.

Тут в салон с подносом вошла Стюардесса. Аулис хотел притвориться спящим, но не успел. Пришлось улыбнуться девушке. Она тоже улыбнулась в ответ. Аулис смотрел на ее лицо, словно на дисплей с информацией о техническом состоянии самолета. Все в порядке, можно успокоиться. Шоколадная девушка в облитой фантой блузке была не просто спокойной и безмятежной. Она была утомившейся, сытой, индифферентной, как престарелая пантера, которой сделали укол со снотворным. Ее сонные глазки обволакивал мед уверенности в завтрашнем дне. «Была б нештатная ситуация, – подумал Аулис, – она бы скакала по салону с вытаращенными глазами».

Стюардесса чмокнула губками, словно хотела сказать Аулису, что она все помнит и по-прежнему находится под впечатлением, и пошла в хвост самолета, оставив за собой запах подгоревшего кофе. Минуту спустя вернулась.

– Кофе? – игриво предложила она и протянула Аулису поднос.

Он взял маленький пластиковый стаканчик и помешал сахар ложечкой, похожей на зубочистку.

– А ты? – спросил Аулис, поднося стаканчик к губам.

– Я уже три чашки выпила, – ответила Стюардесса, присаживаясь на плоский баул у ног Аулиса, словно обласканная собачка. – Все равно засыпаю. Так покойно и сладко на душе...

– Не выпалась ночью?

– Ночью мы с мужем гуляли на свадьбе моей подруги. Пили до четырех утра... Потом подали жареную зебру. Опио упал под стол...

«Ни хрена себе! От командира перегаром разит, второй пилот всю ночь на свадьбе гулял», – подумал Аулис и снова глянул через иллюминатор на распушившееся крыло. Он подумал, а нет ли причинно-следственной связи между состоянием пилотов и нечаянно выпущенным закрылком.

– Это у вас такая семейная традиция – гулять всю ночь перед рейсом? – пошутил Аулис.

– Это неплановый полет, – ответила Стюардесса, безуспешно борясь с наваливающимся на нее сном. – Опио позвонили в семь утра и сказали, что надо подменить одного человека из основного экипажа. Заболел он, что ли... Меня в терминал на руках занесли, я была никакая... Я подремлю здесь немножко, хорошо? Если позовут, толкни...

Последние слова она произнесла уже с закрытыми глазами. Впервые с начала полета Аулис почувствовал щекочущее душу недоверие к технике и тем людям, которые ею управляли. Он снова посмотрел в иллюминатор. Самолет заметно сбавил скорость, и теперь казалось, что он неподвижно висит над облаком, а пропеллеры вращаются сами по себе, как ветряные мельницы... Аулис представил, как Опио засыпает за штурвалом, его голова безжизненно валится на приборную панель, и его англо-африканский нос ассирийского розлива утыкается в тумблер выпуска закрылков... «Ерунда! Быть такого не может, – успокоил себя Аулис. – Там же еще командир. От него хоть и разит перегаром, но выглядит он молодцом. Долетим!»

Самолет слегка накренился, пошел на поворот, и солнечный блик скользнул по лицу Стюардессы. Аулис подумал, что у темнокожих девушек есть огромное преимущество: если даже они всю ночь не спали и пили, то все равно утром не заметишь синих кругов под глазами... Она вызывала у него легкое чувство жалости и вины. Детская доверчивость омлетом растеклась по ее светлой и радостной жадности, и это блюдо притягивало к девушке разношерстных хитрецов. И Опио еще тот хитрец и жлоб! Уж слишком много он ей наобещал, даже к серебряной свадьбе (а будет ли она когда-нибудь?) подарок анонсировал. А дуреха верит, радуется, спит крепко в полной уверенности, что ее будущее на мази и придут к ней слоновым стадом виллы, счета в банке, приглашения из Голливуда, престижные роли да издатели толстых глянцевого журналов... Чувство жалости к клинической доверчивости Стюардессы разбухало в душе Аулиса подобно опаре, и он уже подумывал о том, что как честный мужчина просто обязан сводить девушку в ресторан. Но тут его отвлек крайне неприятный, обволакивающий ноги ледяной сквознячок. Аулис встал, стараясь не разбудить Стюардессу, выпотрошил несколько мешков и нашел белую ковровую дорожку из мягкой ангорской шерсти. Прикрыл ею ноги девушки и вернулся на свое место. Но прошло еще несколько минут, и Аулис продрог до самых костей.

Пришлось снова подняться и выйти в проход. Там Аулис принялся размахивать руками, чтобы согреться. От сквозняка штора колыхалась, как флаг на корабельной стене... Безобразия! Пилоты экономят на обогреве салона! Одно утешает, что лететь осталось не больше тридцати минут. Аулис начал копаться в других мешках в поисках какой-нибудь теплой одежды или одеяла, но наткнулся то на утрамбованные стопки джинсов, то на рулоны туалетной бумаги или коробки с кроссовками. Он уже подумывал о том, не натянуть ли ему пуловер, который он прихватил с собой на случай непредвиденных холодов, но неохота было вытаскивать из-под кресла накрепко застрявшую там дорожную сумку.

«Наверное, пилоты открыли в кабине форточку», – предположил Аулис и заглянул за штору.

Первое, что он увидел, это были пластиковые бутылки, которые катались по полу, подгоняемые мощным воздушным потоком. Потом его взору представилась широко распахнутая дверь в пилотскую кабину, приборная панель с мерцающими дисплеями и два пустых кресла.

Аулис обернулся, посмотрел в конец салона – ему пришла мысль, что оба пилота одновременно вышли в туалет. Но проход был пуст, из-за края большой коробки выглядывала голова спящего полицейского... Нет, если бы пилоты вышли в туалет, Аулис обязательно увидел бы их. Должно быть, они где-то рядом с кабиной, в тамбуре или на бортовой кухне...

Аулис зашел за штору, поднял с пола бутылку и, немного нервничая, машинально свинтил крышку. Ветер усиливался с каждым его шагом. Футболка раздулась как пузырь. Аулис почувствовал, что ему трудно дышать. Он схватился за край переборки, на которой висело зеркало, и на мгновение увидел свое отражение. Вот это глазища! А волосы встали дыбом и шевелятся, как черви! А рот зачем раскрыл? Напуган, напуган-то как!

Он сделал еще шаг, машинально хватаясь за полки, гнезда для бутылок и хомуты для пожарных баллонов, как будто пол уходил из-под его ног и все вокруг переворачивалось вверх дном. От ощущения близкой, обнаженной, ничем не прикрытой высоты у Аулиса похолодело внутри и мигмом вспотели ладони... Он едва не вскрикнул: из-за перегородки показалась рука. Скрюченные пальцы царапали металлический пол. Кто-то полз в его сторону, судорожными движениями хватаясь за воздух. Превозмогая себя, Аулис двинулся вперед... О господи! Из его груди вырвался сдавленный вопль. Похожий на Пеле командир самолета лежал на полу и корчился в агонии. А сколько крови! До Аулиса не сразу дошло, что на летчике красная рубашка не потому, что он надел ее вместо белой... Аулис ринулся к командиру, но словно на невидимое препятствие налетел. Ужас окатил его ледяной волной.

Дверь! Входная дверь была раскрыта настежь, и сквозь проем невообразимо отчетливо были видны медленно проплывающие облака и рваные лучи заходящего солнца, и мощным потоком, как вода сквозь пробоину, заливался пронзительный рев мотора... Аулиса откинуло назад. Животный страх высоты парализовал его волю, и до безумия захотелось намертво схватиться за раковину, привязать к ногам занавеску, сунуть голову в микроволновую печь и позволить ветру оторвать себя разве что только с фюзеляжем вместе.

– Дверь... – прохрипел командир, залипая щекой в луже крови. Его глаза стали белыми, лишенными зрачков, язык вывалился, как у коровы, подвешенной к крюку на скотобойне, и из носа пошли розовые пузыри.

Спокойствие! Надо закрыть дверь... Аулис чувствовал, как его всего трясет. Он приподнял ногу, выбирая место, куда ее поставить. Командир занимал весь узкий тамбур от двери до перегородки с зеркалом. Правая его нога лежала на порожке, и кончик ботинка свисал над бездной. Именно это показалось Аулису самым страшным, отчего где-то в паху наступила невесомость и низ живота онемел, будто был обложен кусками льда. Жирная и скользкая, как олифа, кровь разлилась, захватывая оставшееся свободное пространство на полу, и ступить было решительно некуда... Командир раскрыл рот, шевельнул языком, но сказать уже ничего не смог, лишь шлепнул ладонью по вязкой жиже и сжал в агонии кулак со склеенными кровью пальцами...

Аулис осторожно наступил ему на поясницу, перенес тяжесть тела вперед... Сейчас командир как дернет спиной, и Аулис ка-а-ак вылетит наружу... Но командир уже не шевелился, кожа ходила под его рубашкой, словно банановая шкурка на асфальте. Аулис, холодея от запредельных ощущений, потянулся к мощной ручке двери, схватился за нее, и тотчас дверь пошла на рычагах по широкой амплитуде, задела ногу командира, сорвала с нее ботинок, который тотчас был подхвачен ветром и снесен в открытый проем.

– М-м-м... – простонал Аулис, очень точно воспринимая ощущения, которые в этот момент испытывал командирский ботинок. Дверной проем словно притягивал его, нашептывал: «Подойди же, не бойся! Спрыгни вниз! Тебе будет хорошо!» Едва управляясь с этим соблазном, он навалился на дверь всем телом, загоняя ее в пазы. Потом надавил на ручку, провернул ее как стрелку курантов и почувствовал, что дверь встала на свое место мертво, влитую. И стало необыкновенно тихо, уютно и покойно. Стены, потолок, полки, откидные стульчики – все на своих местах, все неподвижно и по виду незыблемо. Правда, теперь особенно чувствовался запах крови, и у Аулиса тошнота подкатила к горлу. Он сделал шаг назад, стараясь не вляпаться, и тотчас почувствовал, как чья-то рука крепко сдавила ему шею.

Глава 4

Полет нормальный

– Стоять! Не шевелиться! Руки на стену!

Это был полицейский с боксерским носом. Он толкнул Аулиса на перегородку и оцарапал ему щеку пистолетной мушкой.

– Эй! Что вы делаете?! – вспыхнул Аулис. Он уже и без того натерпелся, совершая непламенный подвиг, и боль, которую доставил ему полицейский, посчитал незаслуженной.

– Молчать, бабирусса кастрированная!

Аулис подчинился, хотя не причислял себя к кастрированным бабируссам и даже не знал, кто это такие, оперся руками о перегородку и тотчас размазал ладонью кровавой мазок. Какая мерзость! Аулис растопырил пальцы, с отвращением глядя на выпачканную руку, и машинально, лишь бы скорее очиститься, вытер руку занавеской. И немедленно получил удар по почкам. Аулис взвыл от боли.

– Хочешь избавиться от улик?! Сейчас я сделаю из тебя циркового бабуина!

– От каких еще улик? Я только закрыл дверь!

– Молчать, сволочь!! Ноги шире!

Дурдом какой-то! Пиная ногами катающиеся по полу бутылки, в тамбур забежала Стюардесса, увидела лежащего в луже крови командира, схватилась за лицо и истошно закричала:

– Уби-и-или!! Уби-и-или!!

От этого крика у Аулиса все внутренности сжались и задрожали. Ему стало страшно. Девушка продемонстрировала, как на самом деле надо реагировать на данную ситуацию. Ей, как члену экипажа, было видней.

– Я хотел ему помочь! – говорил Аулис, стараясь поскорее оправдаться перед полицейским, чтобы избавиться от нелепых подозрений, пока те еще в зародышевом состоянии. – Он умирает!! Вы что, не видите?!

– Я все вижу, кусок кала!! Закрой рыло!

– Да как вы... – опешил от обиды Аулис. – Я гражданин России... Я буду... Я на вас...

– Я же сказал: кусок кала! – повторил полицейский, едва не касаясь толстыми губами тонкого и изящного носа Аулиса.

В тамбуре, словно тень, появился второй полицейский. В отличие от своего коллеги, этот напоминал болезненного интеллигента с садистскими наклонностями. Лицо его было спокойным, вдумчивым, источающим безусловную справедливость и решимость хирурга произвести радикальное иссечение драгоценного органа; очки с тонкими дужками съехали на середину носа, подслеповатые глаза смотрели поверх линз с нравственным осуждением и остреньким хищным аппетитом. В какой-то степени он походил на адвоката, с успехом защищающего на суде сексуального маньяка. Аулис подумал, что этот человек сейчас начнет его пытать и при этом будет улыбаться и говорить тихо и вежливо.

– Обыщи его! – приказал Боксер.

Интеллигентный полицейский принялся водить своими тонкими ладонями по спине и джинсам Аулиса. Прикосновения его были нежными, но Аулис корчился от щекотки. Стюардесса, негромко повизгивая и царапая лицо, ходила между пилотской кабиной и лежащим на полу командиром.

– Опио!! – взывала она. – Опио!! Где ты? Где ты, господи? Это конец! Это апокалипсис...

– Ты где таких слов нахватала, дура?! – прорычал Боксер и толкнул ногой неподвижно лежащего командира. – Лучше перевяжи его! И проверь сортир.

– Я туда сразу заглянул на всякий случай, – сказал интеллигентный полицейский.

– Черт!! А кто в таком случае управляет самолетом?!

– Опио! Его выкинули наружу!! – снова взвыла Стюардесса, заламывая худосочные руки над головой. – Это теракт! Это заговор против моего милого, дорогого Опио!

Боксер тяжело вздохнул и двинул тыльной стороной ладони Аулиса по затылку. Голова молодого человека ударилась о перегородку.

– Эй! – крикнул Аулис. – Полегче! Я здесь ни при чем!

– Наручники на него!! – приказал Боксер. – И прекратите кричать! Говорю только я!

Интеллигент, несмотря на свою кажущуюся тщедушность, с натренированной изощренностью вывернул Аулису руки и ловко защелкнул на них браслеты. Боксер поднял с пола бутылку минералки, откупорил ее и вылил воду себе на голову.

– Он умер... – прошептала Стюардесса. Она сидела на корточках перед телом командира и смотрела на его перекошенное, залитое кровью лицо, словно на разинутую крокодилю пасть. – От потери крови...

– Ты глупая мартышка! – крикнул Боксер, отталкивая Стюардессу, и прижал толстый палец к сонной артерии командира. – Гм... черт подери! Похоже, что он в самом деле отдал концы... – Выпрямился, кинул свирепый взгляд на пилотскую кабину, на пустые сиденья. – Не могу понять, кто будет управлять самолетом?

– Опио... Бедный мой Опио... Кругом одни предатели... – всхлипывала Стюардесса, щипая себя за щеки. Ее качало. Несколько раз она заваливалась, как вешалка, на зеркало и оставляла на нем мокрые отпечатки.

– Туда этого гражданина России! – распорядился Боксер, кивая на Аулиса. – Сейчас я через глотку его печень буду выдергивать!

– Лучше доверь эту процедуру мне, – попросил Интеллигент.

Аулис промолчал. Эти типы не были в состоянии нормально воспринимать его слова. Интеллигент повел его по проходу в хвост самолета. Его тонкие и с виду слабые руки находили какие-то хитрые точки на спине Аулиса, отчего каждый толчок вызывал острейшую боль. Аулис извивался, вскрикивал, но Интеллигент снова и снова вонзал свои пальцы в его тело... Аулису казалось, что содержимое его черепной коробки превратилось в кашу. Все мысли смешались. Он не мог понять, что случилось и ради чего это все случилось. Второго пилота по имени Опио, мужа Стюардессы, кто-то вышвырнул наружу. А командир, похожий на Пеле, отдал концы от страшной пробойны в голове. Сейчас самолет парил сам по себе, как спущенная с горы старая автомобильная крышка. Куда он летел? Как долго он сможет лететь без управления?

Интеллигент толкнул Аулиса на кресло рядом с горой пластиковых тарелок. По проходу промчалась Стюардесса, заглянула в уборную и снова завывала:

– Опио-о-о-о...

С заднего кресла в затылок Аулису задышал блондин, прикованный наручником к подлокотнику.

– Слышь, парень, – прошептал он. – А тебя за что?

– Сам не пойму, – ответил Аулис. Особой охоты разговаривать с плененным соотечественником у него не было.

– Чего они все всполошились? Что там стряслось?

Аулис не успел ответить, как в проходе показался Боксер.

– О-о-о! Куча слоновьего дерьма! – рычал Боксер. Он двигал впереди себя воздух с запахом крови. В руке держал радиостанцию, тряс ее, прикладывал к уху, снова тряс.

– Опио нигде нет!! – истерично крикнула Стюардесса. – Вы это понимаете или нет?! Нигде!! Как я буду без него?!

– Запрессуй клюв! – огрызнулся Боксер. – Я знаю. Это террористический акт. Будем проводить операцию «Перехват».

– Лучше операцию «Быстрые руки», – возразил Интеллигент, поправляя очки. – Она более мобильная. Сейчас я начну допрос главного подозреваемого. Под протокол. С соблюдением всех формальностей...

Аулис, вытаращив глаза, смотрел на Интеллигента. Какой протокол? Какие формальности?

– Вы понимаете, – проговорил он, часто дыша от волнения, – что самолетом никто не управляет? Никто! Протокол подождет, а вот самолет ждать не будет...

– Не надо меня пугать! – махнул на него рукой Интеллигент.

– Я не понял, – снова зашептал Соотечественник в затылок Аулису – мокро и горячо. – Почему никто не управляет самолетом?

– Молчать, антилопы винторогие!! – крикнул Боксер на белых пленников и кинул крышку от бутылки в лицо Аулису. – Всем замереть и заткнуться! – Он повернулся к Стюардессе и направил в ее мокрое, зареванное лицо свой сосисочный палец. – Ты член экипажа?

– Член, член... – кивнула Стюардесса, сморкаясь в занавеску.

– Значит, будешь оказывать содействие следствию. Надо связаться по бортовой радиостанции с Интерполом и объявить второго пилота в розыск.

– Но я не умею пользоваться радиостанцией. У меня нет допуска...

– Тьфу, мумия занзибарская! А к чему у тебя есть допуск? Только к уборной и кофеварке?

– Давайте соблюдать спокойствие, – предложил Интеллигент. – Работаем в установленном порядке. Сейчас во всем разберемся. Я предлагаю для начала допросить главного подозреваемого.

И он пошевелил своими тонкими и длинными пальцами так, словно натягивал на руку тесную хирургическую перчатку.

– Какое спокойствие?! Какое спокойствие?! – на высокой ноте воскликнул Аулис. – Мы с вами не в баре, не в кинотеатре! Вы представляете, где мы находимся? Мы летим черт знает куда со скоростью триста миль в час! Это конец!! Мы сейчас разобьемся!! Мы...

– До сих пор не разбились и, дай бог, еще протянем! Во всяком случае, я успею выбить из тебя признание! – перебил Боксер и, шумно втянув ноздрями воздух, схватил своей ручищей его за горло. – Зачем ты это сделал, вредитель? Ты у меня сейчас посинеешь, как турмалин! Признавайся во всем!

– Давай я им обоим глаза выковыряю, – предложил Интеллигент.

– Господа! – обеспокоенно отозвался со своего кресла Соотечественник. – Что касается меня, то вы обязаны считаться с моим особым положением. Меня и так незаслуженно обидели, и я требую соблюдать Международную гаагскую конвенцию...

– Да кому ты нужен со своей гребаной конференцией, – отмахнулся Боксер и небрежно кинул своему коллеге: – Лучше зацементируй ему рот!

– Опио! Как я буду жить без тебя?! – зарыдала с удвоенной силой Стюардесса. – Почему ты меня оставил?!

– Не голоси на уху! – попросил Боксер, злобно поглядывая на Аулиса. Он склонился над головой молодого человека так низко, будто принимался к ней, как к свежее испеченному Колобку. – Сейчас мы узнаем, куда он подевал Опио. Не отпирайся, скажи, что ты хотел вызволить своего дружка? Так ведь? Ты убил пилотов, чтобы изменить курс самолета? Скажи «да», и я не буду вытряхивать из тебя поганый ливер!

– Нет! Нет! Нет! – крикнул Аулис. – Я пилотов пальцем не тронул!! Был сквозняк, я вышел в тамбур и там увидел летчика с пробитой головой... Давайте свяжемся с наземными службами! Наш самолет неуправляем!

– Чем ты пробил ему голову?!

– О боже мой! – завыл Аулис. – Вы способны меня понять или нет?! Это не я пробил ему голову!!

– По-твоему, он сам себе ее пробил?

– Идиоты!! – оглушительно запищала Стюардесса. – Что вы спорите?! Надо разыскивать Опио! Может быть, он еще жив! Я не смею... Я не могу даже предположить, что его... Это ужасно! Ужасно!

– Надо немедленно проверить, поставлено ли управление на автопилот! – с другой стороны кричал Аулис. – Нам хотя бы зафиксировать полет!

– Управляй не управляй, – вполголоса заметил Интеллигент, – будет жопа, а не рай.

– Да хрен с ним, с самолетом! – отмахнулся Боксер. – Какое кому до него дело! Я хочу, чтобы этот гиеновый экскремент сознался в двойном убийстве!

– Мне не в чем сознаваться! – охрипшим от крика голосом произнес Аулис. Он бы обязательно приложил руки к груди для пущей убедительности, если бы они не были скованы за спиной. – Поверьте же мне! Я бизнесмен. Лечу в Норт-Фруди... Да вы же смотрели мой паспорт!

– Да! – злорадно воскликнул Боксер, подавшись к Аулису и брызгая на него слюной. – Смотрел! И поэтому предлагаю тебе признаться!

– Где логика? Вы смотрели мой паспорт – и что? Логика где?

Боксер едва не откусил ему нос.

– Логики не видишь?! – взбеленился он и ткнул Аулиса пальцем в грудь. – Ты русский! – Боксер перевел перст на Соотечественника. – И он русский! Значит, это заговор!

– Заговор против моего дорогого Опио! – простонала Стюардесса. – Мужчины! Давайте его искать! Может, он лежит связанный где-нибудь под коробками?

И она кинулась к ближайшему креслу, заваленному упаковками с унитазами ершиками. Интеллигент едва успел схватить ее за руку.

– Не дергайся, женщина! – сдержанно посоветовал он ей. – Твой Опио – это сейчас не самое главное...

– А что главное? Что?

– Обличение преступника!

– Прощайте, – прошептал Аулис Соотечественнику. – Из-за этих идиотов мы сейчас врежемся в землю.

– Из-за идиотов или из-за тебя? – уточнил Соотечественник.

– Вы бессердечный! – процедила Стюардесса, сжимая кулачки и наступая на Интеллигента. – Вы... вы совсем не хотите подумать о моем будущем... Опио был для меня всем! Я отдала ему все, что у меня было, – всю душу, всю кровушку до капельки ... А вы... вы... жестокий, черствый... Вы мерзавец...

Она хотела еще что-то добавить, но Интеллигент вдруг влепил ей крепкую пощечину. Девушка полетела на кресла, обрушивая по пути пирамиды коробок. На пол посыпались карманные калькуляторы и электронные будильники.

Аулис, считавший обязанностью всякого мужчины защищать женщин, попытался вскочить с кресла, но кулак Боксера тотчас вернул его на место. Интеллигент, не удостоив эту сцену своим вниманием, наклонился, поднял с пола аккуратный, красивый калькулятор с солнечной батареей, подул на него, протер рукавом рубашки и сунул в карман.

– Что ж, пеняйте на себя! – пригрозила Стюардесса, выбравшись из завалов коробок. Она одернула юбку и решительно направилась в пилотскую кабину, но Интеллигент догнал ее и схватил за руку.

– Не надо ничего менять, женщина! – сказал он, до боли сжимая ее руку своими острыми, как у филиппинского хилера, пальцами. – Поверь мне, ты сделаешь только хуже. Пусть все остается так, как есть.

– Вы в своем уме? – прошептал Аулис, облизывая разбитую губу. – Вы хоть соображаете, что происходит? Посмотрите в иллюминатор! Встряхните головой! Очнитесь!

– У тебя есть право хранить молчание, – спокойно произнес Интеллигент. – Даю тебе добрый совет: воспользуйся им!

Его печальные, с душком протухшей справедливости глазки быстро бегали по мешкам, коробкам и разноцветным упаковкам.

– Вот как! – мстительно сказала Стюардесса и попятилась. – Теперь я все понимаю... Вы только о себе думаете... А мой бедный Опио...

– И тебе лучше помолчать, – сказал Интеллигент. – И чего всполошилась? Все хорошо. Мы держим ситуацию под контролем. Самолет летит. Полет нормальный.

Глава 5

Не мешайте летчику работать!

Боксер вернулся из тамбура, на ходу вытирая руки подвенечной фатой, которую выудил из какой-то коробки.

– Картина ясна, – сказал он и поправил кобуру, болтающуюся на поясном ремне. – Там полно следов – и от ботинок, и от кроссовок. Это исчерпывающе подтверждает, что в тамбуре была драка.

Боксер снял с полки сложенный телескопический спиннинг и его кончиком ткнул Аулиса в грудь.

– Ты слышишь, собака? Там следы кроссовок! А кроссовки только у тебя. Все сходится. Тебе остается сознаться.

– В чем? – едва слышно выговорил Аулис, чувствуя, что близок к умопомешательству.

– В попытке захвата воздушного судна.

– Да оно мне и даром не нужно, ваше говенное судно! Я жить хочу!

– Но-но! – подал голос с другой стороны Интеллигент, занятый тем, что вставлял пальчиковые батарейки в миниатюрный галогенный фонарик. – Не советую плохо отзываться о самолете нашей государственной авиакомпании.

– Это еще одна статья! – сказал Боксер и поднял вверх палец, похожий на сгоревшую кормовую морковь, заостряя тем самым внимание на инциденте.

– Антигосударственная пропаганда, – пояснил Интеллигент. – Это в своей стране будешь языком трепать.

– Уже не будет, – поправил коллегу Боксер и обратил внимание на иллюминатор. – А почему так стемнело?

Аулис обливался потом и втягивал голову в плечи. Он уже с трудом понимал смысл слов, которые ему говорили. Сознание отказывалось верить в то, что самолетом никто не управляет и он летит подобно снаряду, выпущенному в цель. Аулису было трудно дышать, в голове толчками пульсировала кровь, словно отсчитывала последние секунды перед катастрофой... Эти ненормальные полицейские не понимают, как велика опасность. Сейчас произойдет непоправимое... Чудовищный удар, от которого с оглушительным треском станет разваливаться и сминаться, подобно фольге от шоколадки, фюзеляж, и округлое, наполненное жаркой тяжестью пламя начнет неистово пожирать людей вместе с бесчисленными коробками, баулами и мешками... Сейчас это произойдет... Сейчас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.